

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

12. — ТАКТИКА ТРОЦКАГО. — ПРОИСХОЖДЕНИЕ «СОВѢТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ» И ПЕРЕХОД ЕГО В РУКИ С. Д. — МОЕ ПЕРВОЕ ГАЗЕТНОЕ КРЕЩЕНИЕ И ОТКЛИКИ «БИРЖЕВКИ», ПРЕВРАЩЕННОЙ В ОРГАН К. Д. — ОТКЛИКИ НА МОСКОВСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОЗСТАНИЕ. — ПОДГОТОВКА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНА 11 ДЕКАБРЯ. — МОИ ПЕРВЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕЧАТИ. — ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ.

В послѣдніе два мѣсяца 1905 г. революціонный процесс достиг своего высшаго напряженія и, послѣ провала московскаго вооруженнаго возстанія, быстро пошел книзу. Поднять его до этой высшей точки кипѣнія было задачей Ленина, а осуществленіе этого плана и доведеніе его до абсурда, несомнѣнно, принадлежало Троцкому. В своей автобіографіи, Троцкій рассказывает, как, через посредство Красина, он уже на третьем с'ѣздѣ (большевиков, к которым тогда не принадлежал) внес в ленинскій план одну существенную поправку. «Временное Правительство» с преобладаніем с. д. должно было быть образовано не *послѣ* побѣды вооруженнаго возстанія, а в самом процессѣ возстанія, которым оно должно руководить. Зерном этого правительства и должен был служить Совѣт Рабочих Депутатов. А. С. Суворин инстинктивно понял это, когда высмѣивал Витте в «Новом Времени» за допущеніе «второго правительства». Если затѣя не удалась, то Троцкій ищет оправданія, во-первых в «безпомощности» большевиков при отсутствіи Ленина, во-вторых, в «запоздалом пріѣздѣ Ленина из заграницы». Но у него есть и менѣе персональное об'ясненіе. «Всѣ элементы побѣдоносной революціи были налицо, но эти элементы еще не созрѣли». А когда приходилось доказывать, что, слѣдовательно, революція не могла быть «побѣдоносной», Троцкій прибѣгал к своему послѣднему убѣжденію: пусть так, но револю-

ція должна быть «перманентной». Если это не побѣда, то во всяком случаѣ рекорд — «генеральная репетиція». Идея рекорда сравнительно с парижской коммуной была усвоена и Лениным, когда он еще не был увѣрен в судьбѣ октябрьской побѣды.

Троцкій отчасти себя приписывает самое созданіе Совѣта Рабочих Депутатов. Но меньшевики его предупредили. Очень мало извѣстно, что самих меньшевиков предупредил все тот же «Совѣт Освобожденія» в своей петербургской группѣ. На этом примѣрѣ мы еще раз встрѣтимся с процессом дифференціаціи — одного «Совѣта» от другого, а нашей партіи от организаціи, к которой мы формально примыкали вплоть до нашего превращенія в «кадетов».

Инициатива созыва «Совѣта Рабочих Депутатов» и самое его названіе принадлежит все той же группѣ «Союза Освобожденія», которая создала и «банкеты», и Союз Союзов. Произошло это тотчас послѣ «Краснаго Воскресенья» 9 января 1905 г. в связи с извѣстной правительственной «комиссіей Шидловскаго», которой поручено было разобрать нужды и требованія рабочих. В эту комиссію избирались депутаты от фабрик и заводов. Носарю, интеллигенту, удалось попасть в эту комиссію вмѣсто передавшего ему свой мандат рабочаго Хрусталева. Разумѣется, рѣчи Носаря в комиссіи показали чиновникам, что «депутатами овладѣли революціонеры и она стала опасной агитаціонной трибуной». Комиссія была распущена, и Носарь выслан из Петербурга. Но он тотчас вернулся, и «освобожденцы» его тщательно скрывали. Уцѣлѣла и часть выбранных в комиссію депутатов: «Совѣт» их был пополнен — и к веснѣ 1905 года состоял уже из 50 - 60 членов. Собирался он большей частью на Удѣльной или в укромных фабричных уголках. С. д., разумѣется, не знали об этом, называли эту организацію «зубатовщиной» (что указывало на ея конституціонно - освободительскій характер, враждебный тактикѣ «классовой борьбы») и очень ревниво относились к конкуренціи «Союза Освобожденія» с их пропагандой. Когда наступил октябрь 1905 года, «Совѣт Рабочих Депутатов» в этом первоначальном своем видѣ еще существовал. Он собирался в нелегальной типографіи «Союза Освобожденія», единственной тогда уцѣлѣвшей, или на частной квартирѣ членов «Большой Группы». В этой типографіи был отпечатан первый призыв к новому созыву «Совѣта Рабочих Депутатов» и распространен по фабрикам и заводам. Хрусталева прятали в пустом вагонѣ Николаевской жел.-дороги, и там он принимал заявленія от

выборных, а ночевал у тѣх же «освобожденцев». Они же и представили возглавленному Носарем «Совѣту» помѣщеніе Имп. Вольно - Экономическаго Общества, гдѣ, как мы знаем, они были хозяевами. В этой стадіи и произошла окончательная дифференціація между «Союзом Освобожденія» и высиженной им вмѣстѣ с меньшевиками организаціей.

Меньшевики и «либеральная буржуазія» представляли себѣ Совѣт, как «орган революціоннаго самоуправленія». Большевики, составлявшіе меньшинство, не хотѣли растворять его в «либерально и мелко - буржуазной стихіи», а рѣшили сдѣлать из Совѣта орган партійнаго руководства с. д. слѣдующей стадіей революціи. Вѣроятно, в період этой внутренней борьбы Ленин, пріѣхавшій, наконец, в Петербург, но скрывавшійся и наблюдавшій засѣданіе совѣта с хор, в качествѣ незамѣтнаго зрителя, отозвался о нем неблагоприятно: «здѣсь все в говорильнѣ; стараются превратить в рабочій парламент». Между тѣм, это есть «зародыш диктатуры пролетаріата и крестьянства» — новой революціонной власти. Этот отзыв был не вполне справедлив: уже в первые дни своего появленія на свѣтъ, 13 и 14 октября, Совѣт заговорил о вооруженном возстаніи и об организаціи боевых кадров. На слѣдующій день послѣ манифеста 17 октября Совѣт выставил наивное требованіе о немедленном «удаленіи из города войск» и о «выдачѣ оружія пролетаріату». Самое прекращеніе всеобщей забастовки (19 октября) было мотивировано рѣшеніем «собрать необходимыя средства и организовать всеобщее вооруженіе пролетаріата... для окончательной борьбы». «Боевая организація» С. Д. Р. П. уже в концѣ октября предложила себя на роль руководителя в органѣ Совѣта для военной организаціи фабрик и выбора «командиров».

Провал стачки начала ноября за введеніе восьмичасоваго дня на петербургских фабриках нѣсколько охладил пылъ Совѣта и подал меньшевикам повод осуждать с. д. за разрыв с «буржуазіей». Одновременно не удалась и (вторая) «политическая» забастовка против предавія суду возставших матросов в Кронштадтѣ и против введенія военнаго положенія в Польшѣ. В снятіи военнаго положенія сыграла роль телеграмма И. И. Петрункевича к Витте; но вообще отношеніе «либеральной буржуазіи» к повторенію забастовок было отрицательное. Поколебался и Союз Союзов. И даже Плеханов считал ноябрьскую забастовку «крупной ошибкой». Сознвая свою неудачу, социал - демократы, вліяніе которых в Совѣтѣ Р. Д.

продолжало усиливаться, тѣм настойчивѣе пропагандировали, для поддержанія бодрости в рабочих рядах, лозунг вооруженнаго возстанія как единственнаго способа покончить с монархіей.

Начались усиленные попытки распропагандировать армію. Нѣкоторый отклик это получило, в серединѣ ноября, в севастопольском возстаніи матросов. Лейтенант Шмидт, идеалист — мечтатель, сдѣлался героем и жертвой этой слабой попытки. Попытки созданія армейских организацій тоже не имѣли сколько — нибудь значительнаго успѣха.

Все это, однако, не измѣнило расчетов большевиков на успѣх вооруженнаго возстанія. Лозунг вооруженнаго возстанія получил такой же характер безспорности и непререкаемости в публикѣ и особенно среди молодежи, как прежде лозунги Учредительнаго Собранія и всеобщаго избирательнаго права. В связи с его пропагандой, я вспоминаю один маленькій, но характерный для того момента эпизод. Засѣдает, под предсѣдательством графа Гейдена, Вольно — Экономическое Общество. Зал переполнен молодежью, по рядам ходит интеллигентскій котелок и из задних рядов передается за предсѣдательскій стол. Граф Гейден берет шляпу, смотрит в нее, принимает безстрастно — непроницаемый вид и передает котелок Н. Ф. Анненскому. Лицо Анненскаго расплывается в самую радостную из его улыбок. Он передает котелок мѣф. Я смотрю и вижу на днѣ смятую бумажку, на ней карандашом буквы: «на в.в.». Анненскій мѣф, не понимающему, об'ясняет шопотом: «это на вооруженное возстаніе». Но котелок идет дальше пустой. Октябрьскій, социалист — революціонер и кадет проявили свое сочувствіе только в формѣ нейтралитета. На фабриках эти головные уборы дѣлали полные сборы...

Мы, кадеты, и, в частности, я — реагировали и болѣе активно: путем печати. Это были мѣсяцы, когда органы печати возникали «явочным» порядком и вмѣшательство цензуры было минимальным. Лѣввыя партіи уже обзавелись своими органами. Мы тоже вели — хотя и бесплодно — переговоры об изданіи газеты. Наконец, нам повезло. Издатель «Биржевых Вѣдомостей» Пропшер — тот самый, который «нахально» требовал от Витте отставки Трепова, вывода из столицы войск и образованія народной милиціи, — своим тонким нюхом (это было его преобладающим качеством) почувствовал, что вѣтер подул совѣм с другой стороны. И он обратился к «кадетам». Его газета издавалась в трех видах: была

«Биржевка» утренняя, «Биржевка» вечерняя и «Биржевка», которая шла в провинцію. Оба послѣдних изданія «Биржевки» давали большой доход, на котором и основывалось благосостояніе Проппера. Но утреннее петербургское изданіе было мало распространено и, кажется, давало дефициты. Им можно было пожертвовать, чтобы сдѣлать пробу — поставить ставку на возростающую «кадетскую» популярность. Проппер предложил нашей группѣ редактировать это изданіе. Руководство должно было принадлежать мнѣ, I. В. Гессену и М. И. Ганфману. Из нас только Ганфман был настоящим газетчиком, знал досконально весь газетный и журнальный мір — не только с лица, но и с изнанки, — будучи в то же время скрупулезно - вѣрным демократом и кристально - честным человеком. Он был для нас незамѣним. Имѣя собственные убѣжденія, болѣе лѣвыя, чѣм наши, он намѣренно отходил в тѣнь, уступая мѣсто для нашей, тогда уже партійной, проповѣди. Ганфман посвятил меня в психологію нашего будущаго издателя — темнаго спекулянта, пробившагося с низов до посольских передних, гордившагося тѣм, что ходит «ку Витте» и блиставшаго своей безукоризненной tenue и своей жирной, лоснящейся физиономіей на всѣх торжественных пріемах, куда добивался доступа. Мы были юристами и потому, прежде всего, потребовали от издателя, чтобы он оставил нам чистое мѣсто, уведя с собой весь свой штат — от редактора до наборщиков. С нѣкоторым трудом — и даже вопреки своей женѣ, которая была увѣрена, что мы «погубим «Биржевку», — он, наконец, уступил. Мы получили то, чего желали: пустое помещеніе с оставленными машинами. Затрудненія, которыя мы претерпѣвали в первые дни, были неимоверны — особенно для меня, поднаго новичка по части газетной работы. Приходилось спѣшно набирать технических и идейных работников и сотрудников и самому входить во всѣ подробности типографской техники. Я простаивал в типографіи дѣлыя ночи, то стоя у наборной кассы, то сам работая за метранпажа, то просматривая кучи припесеннаго репортажа и провѣряя всѣ гранки, то, наконец, засаживаясь за передовицу или заполняя пробѣлы статьями и замѣтками на всевозможныя темы. Эти дни — точнѣе, ночи — принесли мнѣ большую пользу: я, дѣйствительно, у з н а л газетное дѣло, узнал его под руководством такого знатока, каким был Ганфман.

Политическій результат — по крайней мѣрѣ для нас — среды — был немалый. Наша газета называлась сперва «Народ-

ная Свобода», т. е. носила названіе нашей партіи. Я чувствовал себя уже достаточно в сѣдлѣ, чтобы, без риска разойтись во мнѣніях, откликаться от имени цѣлаго политическаго теченія на событія дня. А событія шли бурным потоком. Это были дни, когда Витте, раздраженный толками «Новаго Времени» о существованіи «двух» конкурирующих правительств, наконец, рѣшился — под впечатленіем севастопольских событій — арестовать сперва предсѣдателя Совѣта Хрусталева (26 ноября), а потом, 3 декабря, весь Совѣтъ Рабочих Депутатов (267 членов) в помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. В промежуткѣ Исполнительный Комитет Совѣта успѣлъ заявить, что Совѣтъ «продолжает готовиться к вооруженному возстанію», и, в слѣдующем засѣданіи, выпустилъ знаменитый «Финансовый Манифест ко всему населенію Россіи», разослав его для напечатанія всѣм петербургским газетам. Согласно общему рѣшенію редакторов, принятому в помѣщеніи «Новаго Времени» (А. С. Суворин, предупрежденный Витте, от напечатанія уклонился), мы принуждены были напечатать «Манифест», помѣстив его в укромном мѣстѣ в качествѣ информации. Но это не измѣнило степени нашей отвѣтственности: мы были привлечены к суду, а газета закрыта и стала выходить под измѣненным заглавіем «Свободный Народ». Так мы протянули до 20 декабря, когда газета была закрыта вторично, — и Проппер, проученный этим коротким опытом, отказался ее продолжать с нами, вернувшись к своей утренней «Биржевкѣ».

Что же мы успѣли сказать в эти немногіе дни до наступленія рѣшительнаго момента — московскаго вооруженнаго возстанія? Нашу политическую позицію мы опредѣлили сразу — с полной ясностью. В самых настойчивых выраженіях мы предупреждали о неизбѣжности пораженія и о той общей опасности, которою это пораженіе грозит общему ходу революціоннаго движенія: от него мы себя еще не отдѣляли. Я писал в первом же номерѣ «Свободнаго Народа»: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революціи, как фактора, создающаго грядущее право в открытой борьбѣ с историческим правом отжившаго уже нынѣ политическаго строя. Но мы не обоготворяем революціи, не дѣлаем из нея фетиша и так же хорошо помним, что революція есть только метод, способ борьбы, а не цѣль сама по себѣ. Этот метод ... плох, если он вредит тому дѣлу, которому хочет служить. И цѣли, и пріемы русскаго революціоннаго движенія должны быть предметом серьез-

ной и независимой общественной критики... Заниматься такой критикой — вовсе не значит ослаблять то революционное настроеніе, которому мы всѣ обязаны столькими важными завоеваніями. Я, далѣе, указывал, что сами революціонныя организациі «постепенно отказываются от переоцѣнки собственных сил», и выражал только опасеніе, что «официальный революціонный жаргон гораздо труднѣе передѣлать, чѣм измѣнить убѣжденія отдѣльных лиц». Все же, надѣялся я, «рано или поздно они признают... что в их надеждѣ одолѣть техническія силы государства путем прямого вооруженнаго возстанія и в другой их надеждѣ сдѣлать Россію немедленно демократической республикой заключалась — или заключается — очень большая доза такой переоцѣнки собственных сил». Затѣм я обращал их вниманіе на опасность расчета на гипноз массы. «Мы ставим на карту успѣх движенія и рискуем потерять из виду его главную цѣль», пытался я убѣдить друзей - противников, «если будем строить наши расчеты на обостреніи классовых антагонизмов». «В острые политическіе моменты от настроенія средней, обыкновенно молчащей массы, зависит необыкновенно много». «Сейчас это еще зависит от нас, — от русскаго оппозиціоннаго и революціоннаго движенія... Есть извѣстный предѣл в этой средѣ, за которым созидательная и творческая сила революціонной пропаганды становится разрушительной, и вчерашній друг и союзник может завтра стать ожесточенным врагом. Мы близко подходим к этому предѣлу, если слишком часто и легко прибѣгаем к таким сильно - дѣйствующим тактическим средствам, как, на примѣр, политическая забастовка: средствам, разсчитанным на революціонный энтузіазм и нарушающим болѣе или менѣе глубоко нормальный ход жизни в странѣ». «От настроенія нейтральных элементов в значительной степени зависит судьба русской революціи». «Оттуда, из этих низов, выходят погромы и аграрные пожары... Туда надо идти, чтобы имѣть право пророчествовать о будущем русской революціи».

Событія шли, конечно, быстрѣе, нежели тѣ процессы, на которые я ссылался. Арест петербургскаго Совѣта Рабочих Депутатов не мог не вызвать новаго прилива раздраженія в распропагандированной рабочей массѣ. Мнѣнія руководителей, кое - чему научившихся из неудачных экспериментов, раздѣлились. Ни пленума новаго Совѣта, которым хотѣли замѣнить арестованный, ни даже полнаго состава Исполнительнаго Комитета собрать не удалось.

Однако, все же была сдѣлана попытка отвѣтить забастовкой, превратить ее во всеобщую и обратиться в вооруженное возстаніе. В Петербургѣ все это не удалось; большевики обвиняли в этом меньшевиков, преобладавших во втором составѣ комитета. Но в провинціальных совѣтах, и особенно в Москвѣ, которая только недавно организовала у себя Совѣтъ Рабочих Депутатов и не испытала еще неудач, настроеніе было болѣе повышенное, — и большевики старались им воспользоваться. В эти дни я «умолял» в нашей газетѣ «всѣх тѣх, от кого зависит рѣшеніе, подумать еще раз, пока не поздно». «Главный штаб должен быть убѣжден, что ведет своих солдат на побѣду, а не на бойню. Если этого убѣжденія нѣтъ, то рѣшеніе начать политическую забастовку, которое было великим гражданским подвигом в октябрѣ, которое, несомнѣнно, было политической ошибкой при об'явленіи второй забастовки (ноябрьской), — это рѣшеніе теперь может оказаться преступленіем — преступленіем перед революціей». Я напоминал, наконец, что «теперь «пролетаріат» принимает битву на той почвѣ, какую выбрал для вѣрнаго удара П. Н. Дурново». 9 декабря я повторял свои аргументы, спорил против оптимизма «Сѣвернаго Голоса», продолжавшаго утверждать, что забастовка приведет к капитуляціи правительства перед революціей, которая создаст свои «временныя правительства» и созовет учредительное собраніе. Я противопоставляя этому интервью Витте с Диллоном, корреспондентом «Дэйли Ньюс». Витте утверждал, что русскому обществу, недостаточно проникнутому инстинктом самосохраненія, надо дать хорошій урок: пусть обожжется и тогда само запросит помощи у правительства. Это уже походило на сознательную провокацію.

Напрасно было надѣяться, конечно, что мои предупрежденія дойдут по адресу. В тот самый день, когда я это писал, в Москвѣ забастовка была уже в полном разгарѣ. Исполнительный Комитет на всѣх парах готовил вооруженное возстаніе. На улицах уже днем появились боевыя дружины, и происходили стычки с войсками; к вечеру забастовка перешла в открытое возстаніе, и началась постройка баррикад. За этими игрушечными сооружеиіями небольшая горсть рабочих, готовых на жертву, сражалась цѣлых пять дней против находившихся в Москвѣ налицо войск. Их оказалось недостаточно, чтобы одолѣть кучку возставших. На шестой день пріѣхал вызванный из Петербурга гвардейскій Семеновскій полк. Против него засѣвшіе на Прѣснѣ смѣльчаки, в количествѣ двух -

трех сотен, все еще продолжали сражаться пять дней, пока, наконец, возстаніе не было окончательно подавлено (20 декабря) дѣшной разрушенія цѣлаго квартала и гибели сотен случайных прохожих, попадавших под столь же случайный обстрѣл. Волненіе, созданное этими пріемами усмиренія, было гораздо сильнѣе, чѣм впечатлѣніе от самаго возстанія, давно ожидавшагося и руководимаго нѣсколькими членами с.-д. партіи - большевиков. 14 декабря я начал свою статью в «Биржевкѣ» в повышенном тонѣ. «В древней столицѣ Россіи происходят невѣроятныя событія. Москву разстрѣливают из пушек. Разстрѣливают с такой яростью, с таким упорством, с такой мѣткостью, каких ни разу не удаивались японскія позиціи... Что случилось? Гдѣ непріятель?...»

Дальше шло описаніе стрѣльбы по стѣнам домов и желѣзным вывѣскам баррикад, покидаемых дружинниками днем и вновь со-оружаемым ночью. «Что же это такое?» — спрашивал я. «Москва переживает дни, перед которыми меркнут наполеоновскіе дни 12-го года, а официально в Москвѣ все спокойно». Отвѣчая в слѣдующей статьѣ на эти недоумѣнные вопросы, я заключал, что «в московской трагедіи есть нѣчто свое, самобытное» и для «цивилизованнаго міра непонятное». «В чем загадка полнаго безсилія государственнаго всемогущества перед этим бурным взрывом?» И отвѣчал: «если возстановить порядок можно, только приставив к каждому обывателю солдата с ружьем и поставив у каждаго дома пушку, то, значит, солдаты и пушки охраняют не тѣх кого слѣдует». «Если всѣ против власти, это значит, что власть против всѣх». «Вот почему эта власть принуждена напрягать всю свою силу, чтобы произвести самое маленькое дѣйствіе. Вот почему она ставит свои пушки на пустой площади и стрѣляет дѣлыми часами вдоль пустых улиц. Вот почему она не может овладѣть человѣком, не разрушив пушечными гранатами дома, в котором он находится». И я напоминал изреченіе Монтескье в его «Духѣ Законов»: «Человѣкъ хочет достать яблоко; для этого он рубит дерево. Вот вам опредѣленіе деспотіи».

Не скоро изгладилось это впечатлѣніе московскаго разгрома. Два мѣсяца спустя я цитировал интервью Пьера Леру в «Матѣн» с руководителем усмиренія, адмиралом Дубасовым. «Вы не были предупреждены?» — спрашивал корреспондент. «Полиція и правительство знали» — отвѣчал Дубасов. «Что же остается предположить?» — выражал свое удивленіе француз. «Его превосходитель-

ство, в затрудненіи, послѣ нѣкотораго колебанія, произноситъ четыре слова: «on a laissé faire»!

Это — относительно цѣли, которую преслѣдовало правительство, допуская заранѣе проигранную вспышку и усмиряя ее совершенно непропорциональными насиліями. Это был, употребляя выраженіе Витте, «урок, данный обществу». А как он подѣйствовал? Привожу свое собственное наблюденіе. «Ошибки наших революціонеров раз'единили общество, отбросив умѣренную часть его направо. Безразборчивая правительственная реакція может снова возстановить единство революціоннаго настроенія и отбросить средніе элементы влѣво. Кровавое усмиреніе московскаго возстанія — первая из этихъ возможныхъ в будущемъ ошибокъ правительства».

Московское возстаніе, дѣйствительно, грозило проваломъ всей революціи. Правительственный террор — правда, до нѣкоторой лишь степени — выправилъ линію революціи. Къ этому «выправленному» настроенію средней публики мнѣ еще придется вернуться.

С отливомъ революціонной волны общественное вниманіе вернулось къ предстоявшимъ выборамъ в Государственную Думу. У правительства оставался шансъ — направить впечатлѣннѣе публики, сдѣлавъ ему, в сущности, довольно невинную уступку. — в видѣ согласія на введеніе всеобщаго избирательнаго права. Я уже упоминалъ, что за то ноябрьскій с'ѣздъ партіи народной свободы соглашался считать «учредительнымъ собраніемъ» выбранную по этому закону Государственную Думу. Мнѣніе о необходимости ввести всеобщее избирательное право — даже с его «хвостами» — было распространено далеко за предѣлами нашей партіи. С. Е. Крыжановскій разсказалъ в своихъ «Воспоминаніяхъ», какъ ему приходилось присутствовать на совѣщаніи у гр. Витте при попыткахъ убѣдить в этомъ Витте такихъ дѣятелей, какъ М. А. Стаховичъ, С. А. Муромцевъ, кн. С. Н. Трубецкой, Д. Н. Шиповъ, и др. Муромцевъ даже представилъ свой проектъ избирательнаго закона: при его конспиративности в этихъ его «экстра - турахъ» трудно утверждать, чтобы это былъ именно проектъ, выработанный партіей. Витте поручилъ Крыжановскому его «обезвредить». Но этого не понадобилось. Хотя Витте, по словамъ того же Крыжановскаго, «долго и мучительно колебался в этомъ вопросѣ», хотя в Совѣтъ министровъ Гучковъ и Шиповъ упорно защищали проектъ Муромцева, но, в концѣ концовъ, приняты бы-

ли частичныя поправки Крыжановскаго «без нарушенія системы» булыгинскаго закона. В четырех совѣщаніяхъ в Царском Селѣ, подъ предѣтельствомъ государя, къ Шипову и Гучкову присоединился «со слезами раскаянія в глазахъ» гр. Вл. А. Бобринскій, націоналистъ и реакціонеръ, признавшій тутъ, что всеобщее голосованіе одно только можетъ дать Думѣ авторитетъ и работоспособность. Восторжествовалъ все-таки «спецъ» Крыжановскій. По его Воспоминаніямъ, Витте велъ себя, какъ онъ всегда это дѣлалъ в затруднительныхъ вопросахъ: онъ «совершенно измучилъ государя и совѣщаніе изложеніемъ доводовъ за и противъ и отсутствіемъ собственнаго мнѣнія». Во время засѣданій пришла телеграмма П. Н. Дурново о московскомъ возстаніи, и «графъ, всѣми покинутый, остался, какъ рыба на мели, расхлебывать порожденную имъ путаницу».

Избирательный законъ 11 декабря, разумѣется, не внесъ в возбужденное общественное мнѣніе никакого успокоенія. Я писалъ тогда, что общественныя требованія диктовали власти, в сущности, — «мѣры болѣе консервативныя, чѣмъ чреватый опасностями классовыхъ антагонизмовъ, при полной теоретической несостоятельности, избирательный законъ и та Дума съ неопредѣленными функциями, которой правительство заранѣе предоставляетъ узурпировать функціи учредительнаго собранія». Несомнѣнно, тутъ были зародыши всѣхъ грядущихъ конфликтовъ.

С вступленіемъ на арену газетной публицистики начались для меня и мои судейскія злослуженія. Первымъ изъ нихъ было преслѣдованіе газеты за напечатаніе «Финансоваго Манифеста» Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, приглашавшаго къ неплатежу податей и къ из'ятію вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Витте принялъ особенно къ сердцу этотъ «манифестъ», который вторгался в его специальную область и мѣшалъ подготовкѣ къ заключенію займа. Сейчасъ скажу о другомъ судебномъ дѣлѣ, гораздо глубже меня задѣвшемъ. Прежде всего, однако, отмѣчу, что во всѣхъ превратностяхъ этого рода распростеръ надъ нами свой спасительный покровъ удивительный чело-вѣкъ, Оскаръ Осиповичъ Грузенбергъ. Чтобы оберечь насъ отъ послѣдствій нашей вольной или невольной неосторожности в обращеніи съ печатнымъ словомъ, онъ иногда даже жертвовалъ яркимъ выступленіемъ в роли блестящаго и сильнаго судебного оратора и погружался в тайники судейской казуистики, проявляя при этомъ тонкое пониманіе людей и глубокое знаніе самыхъ мелкихъ подробностей закона и судебныхъ рѣшеній. С нимъ даже пораженіе было не страшно: по по

большей части это были побѣды, и, благодаря неусынным заботам О. О. Грузенберга, нам удавалось обогнуть много мелей и скал, казавшихся непроходимыми и грозными.

Другое дѣло, оставившее у меня одно из самых сильных воспоминаній в моей жизни, было дѣло о моем вмѣшательствѣ в судьбу лейтенанта Шмидта. С глубоким волненіем я писал статьи, предшествовавшія суду над ним, приговору и казни, — пытаюсь предотвратить занесенный удар; с волненіем перечитываю и теперь, в его письмах, в отрывках его рѣчей его трагическую повѣсть. Меня вязала с ним даже лично одна душа, такая-же чувствительная, как его, и ему близкая, рассказав о тѣх страданіях и о том надругательствѣ, которым подвергли его, уже побѣжденнаго, современные подражатели тѣх воинов, которые издѣвались над «Царем Иудейским». Я передал эти рассказы в газетѣ и был привлечен к суду за оскорбленіе «воинов». Ко мнѣ приходили сестра и сын подсудимаго; от них я узнал, что в своем экстазѣ Шмидт хотѣлъ видѣть во мнѣ «вождя революціи». Потом он пытался взять эту роль на себя, не отказываясь при том, послѣ всѣх своих политических блужданій, от основных ученій моей партіи. Начиная возстаніе, он обратился от имени флота, «хранящаго завѣты и преданность царю», с требованіем, чтобы царь созвал «немедленно учредительное собраніе». «Нѣжная душа», «обнаженные нервы», — говорили одни. «Неуравновѣшенная натура», «сумасшедшій», — говорили другіе. А десятки тысяч простых солдат и матросов, воспламененные революціонной лирикой его призывов, готовы были прямо с митинга идти за ним, куда угодно. Не раздѣляя даже их иллюзій, пытаюсь противопоставить им свои, он вызывал непосредственный отклик и довѣріе этой своей обнаженной человѣческой душой. И в то же время он соединялъ — это выходило у него само собою — с высоким представленіем о своей роли и о значеніи своей жертвы чрезвычайную простоту и полное отсутствіе малѣйшей аффектаціи и фальши. Именно в моменты своих высших подѣемов он и становился самим собою, не цѣня и не видя своего личнаго подвига. Он отвернулся от личнаго счастья, которое улыбнулось ему как раз в момент величайшаго риска, смѣло пойдя на гибель, которой не мог не предвидѣть, за дѣло, которое мог считать своим только условно. А на судѣ он говорил: «стихийная волна жизни выдѣлила меня, зауряднаго человѣка, из толпы, и из моей груди раздался крик. Я счастлив, что этот крик вырвался из м о е й

груди». И на мѣстѣ казни он сказал выстроившимся для разстрѣла матросам: «таких, как я, много; но будет еще больше». Он был о д и н — такой; но перед его смертью остановились в душевном трепетѣ всѣ, начиная с простого матроса и кончая — самим Витте. Не остановились двое: Николай II и адмирал Чухнин. Их личная побѣда заклеила их больше всякаго пораженія. Шмидтъ представлялся тѣм «святым простецомъ» «*der heilige Tor*», который принес революціи священное копьѣ Грааля. Он воплотил в себѣ и величіе революціи, и ея трагедію.

В память о Шмидтѣ у меня сохранилась картина, написанная им масляными красками, с изображеніем мирнаго пейзажа. Не знаю, что случилось с нею послѣ разгрома моей петербургской квартиры. В картинѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ подписи Шмидта, и свидѣтельства о том, что в его душѣ жила поэзія. Недаром уже послѣ смертнаго приговора он любовался унылым пейзажем о. Березаны, мѣста казни. «Надо мною высокое небо, вокруг меня море, родная, любимая стихія. Мнѣ будет хорошо умирать».

Если бы случайно картина сохранилась, я хотѣлъ бы, чтобы теперешній владѣлец ея понял ея значеніе и отдал ея туда, гдѣ ей настоящее мѣсто: в музей русской революціи.

П. Милюков